

УДК 903.5 (470.55)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.4.26.126.142>

Изучение социальной структуры кочевников Южного Урала раннего железного века по данным археологии и палеоантропологии: краткий историографический обзор

© 2024 г. Чиркова А.Х., Берсенева Н.А.

Keywords: South Ural, Early Iron Age, nomads, historiography, social structure, archaeological materials, paleoanthropology

Түйін сөздер: Оңтүстік Урал, ерте темір дәуірі, көшпенділер, тарихнама, әлеуметтік құрылым, археологиялық материалдар, палеоантропология

Ключевые слова: Южный Урал, ранний железный век, кочевники, историография, социальная структура, археологические материалы, палеоантропология

Alina Chirkova¹ and Natalia Berseneva^{2,3*}

¹Candidate of Historical Sciences, Researcher, Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow, Russia.

ORCID: [0000-0002-4332-0747](https://orcid.org/0000-0002-4332-0747) E-mail: chirkovaAH@my.msu.ru

^{2*}Corresponding author, Doctor of Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Chelyabinsk, Russia.

ORCID: [0000-0003-2554-6205](https://orcid.org/0000-0003-2554-6205) E-mail: bersnatasha@mail.ru

³South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Studying of the nomadic social structure in the Early Iron Age based on the archaeological and paleoanthropological sources: a brief historiographical review

By now, a large number of works on the social aspects in the nomadic societies during the Early Iron Age in the steppe zone of Eurasia have been accumulated in Russian historiography. Some works within the paleosocial and paleoanthropological focus concern the ancient population of the Southern Urals. Most studies published in the mainstream of social archeology had a “point”, casual nature, consisting in the consideration of individual cases, sometimes at the level of individual burials (for example: burials of children, “deviant” burials of men or women, elite burial complexes). Some conclusions expressed by scholars in the first half – mid-20th century were confirmed by subsequent studies: (1) women held a social position comparable to that of men; (2) women’s social roles, manifested in burials, were more diverse than men’s; (3) children’s burials were arranged according to a simplified rite, the high social position of parents probably did not extend to small children; (4) the vertical social status of adult nomads did not directly depend on gender or age group. Nevertheless, there are no published general works on studies of the Early Nomadic social organization in the Southern Urals. There are also no historiographic works that would analyze and evaluate the current state of the study of social aspects. This article aims an overview of the main stages in the history of studying the social structure of Early Nomads of the Southern Urals based on archeological and paleoanthropological data.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of the research work of the Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University “Anthropology of Eurasian Populations (biological aspects) (AAAA-A19-119013090163-2) – A. Chirkova. The publication was carried out within the framework of the grant of Russian Scientific Foundation (RSF) No 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055> - N. Berseneva.

For citation: Chirkova, A., Berseneva, N. 2024. Studying of the nomadic social structure in the Early Iron Age based on the archaeological and paleoanthropological sources: a brief historiographical review. *Kazakhstan Archeology*, 4 (26), 126–142 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.4.26.126.142](https://doi.org/10.52967/akz2024.4.26.126.142)

**Алина Харисовна Чиркова¹,
Наталья Александровна Берсенева^{2,3*}**

¹тарих ғылымдарының кандидаты, М.В. Ломоносов
атындағы ММУ, ҒЗИ және Антропология музейі,
Мәскеу, Ресей

^{2*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
докторы, жетекші ғылыми қызметкер,
Тарих және археология институты,
РФА Урал бөлімшесі, Челябинск, Ресей

³Оңтүстік Урал мемлекеттік университеті,
Челябинск, Ресей

**Ерте темір дәуіріндегі Оңтүстік Урал
көшпенділерінің әлеуметтік құрылымын
археология және палеоантропология деректері
бойынша зерттеу: қысқаша тарихнамалық шолу**

Осы кезге дейін отандық тарихнамада Еуразияның дала белдеуіндегі ерте темір дәуірі көшпенділер қоғамының әлеуметтік аспектілерін зерделеуге арналған еңбектер көптеп жиналды. Палеоәлеуметтік және палеоантропологиялық бағыттағы жұмыстардың бір бөлігі Оңтүстік Уралдың ежелгі тұрғындарына арналған. Әлеуметтік археология бойынша жарияланған зерттеулердің көбі жекелеген жағдайларды, кейде бөлек жерлеу орындарын (мысалы: балалардың қабірі, ер адамдардың немесе әйел адамдардың «ерекше» жерлеу орындары, элиталы жерлеу кешендері) қамтыған «таңбалы», казуалды сипатқа ие. Ғалымдардың XX ғ. бірінші жартысы мен ортасында айтқан бірқатар пікірін келесі зерттеулер растады: (1) Әйелдер ерлермен салыстырғанда әлеуметтік тұрғыда теңдей орын алған; (2) жерлеу орындарында анықталған әйелдердің әлеуметтік рөлі ерлерге қарағанда әртүрлі; (3) балалардың жерлеу орны қарапайым, ата-анасының жоғары әлеуметтік позициясының кішкентай балаларға қатысы болмаған секілді; (4) ересек көшпенділердің сатылы әлеуметтік мәртебесі жынысқа немесе жастық топқа тікелей тәуелді болмаған. Десе де, қазіргі уақытта Оңтүстік Уралдың ерте көшпенділер қоғамының әлеуметтік ұйымын зерттеу бойынша жалпылама еңбектер жарияланған жоқ. Әлеуметтік аспектілерді зерттеудің қазіргі жай-күйін талдап, бағалайтын тарихнамалық жұмыстар да жоқ. Бұл мақала археология мен палеоантропология деректері бойынша Оңтүстік Уралдың ерте көшпенділерінің әлеуметтік құрылымын зерттеу тарихының негізгі кезеңдеріне шолу жасауға арналған.

Қаржыландыру көзі: Зерттеу ММУ Антропология ҒЗИ және музейінің «Еуразиялық популяцияның антропологиясы (биологиялық аспектілер)» (AAAA-A19-119013090163-2) ҒЗЖ аясында жүргізілді

**Алина Харисовна Чиркова¹,
Наталья Александровна Берсенева^{2,3*}**

¹кандидат исторических наук, МГУ имени
М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии,
Москва, Россия

^{2*}автор-корреспондент, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт истории и
археологии, Уральское отделение РАН,
Челябинск, Россия

³Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

**Изучение социальной структуры кочевников
Южного Урала раннего железного века
по данным археологии и палеоантропологии:
краткий историографический обзор**

К настоящему времени в отечественной историографии накопилось большое количество трудов, посвященных изучению социальных аспектов в обществах кочевников раннего железного века степной полосы Евразии. Часть работ в рамках палеосоциальной и палеоантропологической направленности посвящено древнему населению Южного Урала. Большинство исследований, публикуемых в русле социальной археологии, имеет «точечный», казуальный характер, заключающийся в рассмотрении частных случаев, иногда на уровне отдельных погребений (например: захоронений детей, «неординарных» погребений мужчин или женщин, элитных погребальных комплексов). Ряд позиций, высказанный учеными первой половины – середины XX в., подтвердился последующими исследованиями: (1) женщины занимали сравнимую с мужчинами социальную позицию; (2) социальные роли женщин, манифестированные в погребениях, более разнообразны, чем мужские; (3) детские погребения устраивались по упрощенному обряду, высокая социальная позиция родителей, вероятно, не распространялась на маленьких детей; (4) вертикальный социальный статус взрослых кочевников не имел прямой зависимости от пола или возрастной группы. Тем не менее, на данный момент пока не опубликовано обобщающих трудов по изучению социальной организации общества ранних кочевников Южного Урала. Также отсутствуют историографические работы, в которых бы был проведен анализ и оценка текущего состояния исследования социальных аспектов. Данная статья посвящена обзору основных этапов истории изучения социальной структуры ранних кочевников Южного Урала по данным археологии и палеоантропологии.

Источник финансирования: Исследование выполнено в рамках НИР НИИ и Музея антропологии МГУ «Антропология евразийских популяций (био-

– А.Х. Чиркова. Зерттеу Ресей ғылым қорының № 24-18-20055 гранты есебінен орындалды, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/> – Н.А. Берсенева.

Сілтеме жасау үшін: Чиркова А.Х., Берсенева Н.А. Ерте темір дәуіріндегі Оңтүстік Урал көшпенділерінің әлеуметтік құрылымын археология және палеоантропология деректері бойынша зерттеу: қысқаша тарихнамалық шолу. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 4 (26). 126–142-бб.

DOI: [10.52967/akz2024.4.26.126.142](https://doi.org/10.52967/akz2024.4.26.126.142)

логические аспекты)» (AAAA-A19-119013090163-2) – А.Х. Чиркова. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/> – Н.А. Берсенева.

Для цитирования: Чиркова А.Х., Берсенева Н.А. Изучение социальной структуры кочевников Южного Урала раннего железного века по данным археологии и палеоантропологии: краткий историографический обзор. *Археология Казахстана*. 2024. № 4 (26). С. 126-142. DOI: [10.52967/akz2024.4.26.126.142](https://doi.org/10.52967/akz2024.4.26.126.142)

Введение

На протяжении уже более ста лет в фокусе внимания исследователей находятся погребения номадов раннего железного века Евразийских степей. При этом вопросы, связанные с организацией кочевых обществ, сразу же заинтересовали учёных. Изучение отдельных аспектов приходится на начало XX в. Одними из первых, кто касался темы изучения социальных структур подвижного населения Евразии и, в частности, Южного Урала, были М.И. Ростовцев [1918], П.Д. Рау [Rau 1927], П.С. Рыков [1936] и Б.Н. Граков [1947]. В первую очередь, обсуждалась возможность существования матриархата и, в целом, социальное положение женщин в мобильном обществе раннего железного века [Граков 1947], а также элитные погребения рассматриваемого времени [Ростовцев 1918]. Для этого периода характерно широкое привлечение античных письменных источников для интерпретации археологического материала и очень обобщённые объяснительные модели. Социальное устройство чаще всего обсуждалось в рамках парадигмы матриархат/пережитки матриархата/патриархат.

Во второй половине и до начала 80-х гг. XX в. среди социальных исследований основное внимание уделялось проблеме существования уже не матриархата, но его пережитков и вопросам, связанным с наличием материнского рода у савромато-сарматских племен. К.Ф. Смирнов [1964] поддерживал позицию Б.Н. Гракова о том, что данные письменных источников об особом положении савроматских женщин находят подтверждение в археологическом материале, а А.П. Смирнов [1971] же наоборот отрицал наличие матриархата у савроматов в каком-либо виде. Дискуссия завершилась только после выхода работы А.М. Хазанова «Материнский род у сарматов», в которой основные противоречия в позициях исследователей вопроса пережитков матриархата у сарматов были сняты. А.М. Хазанов доказывал существование у савроматов «позднематеринского» рода с сохранением высокого социального статуса у женщин, но с реальной властью мужчин [Хазанов 1970: 145].

В 1980–1990-е годы в археологии, как в мировой, так и в отечественной, стали активно внедряться новые подходы и методы. Новая или «процессуальная археология» предложила несколько концепций для социального анализа, прежде всего, «энергозатратную модель» Дж. Тэйнтера, а в качестве метода – использование статистического и кросс-культурного анализа [Tainter 1978]. В советской, а позже в российской археологии статистические методы также стали активно применяться для социальных реконструкций. В сарматской археологии примером такого труда является серия книг, посвящённых статистической обработке погребальных памятников Азиатской Сарматии (рук. проекта – М.Г. Мошкова). Впервые были собраны и организованы

в базы данных многочисленные сарматские могильники от Дона до Урала. На основании кластерного анализа выделены группы памятников, несущих социальную информацию, а также охарактеризованы мужские, женские и детские погребения по периодам [Статистическая обработка ... 1994; 1997]. Нужно упомянуть также крупный проект «Социальная структура ранних кочевников Евразии» под редакцией Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина и А.В. Харинского [2005]. В монографии затронуты вопросы организации социальных структур различных кочевых и полукочевых обществ Евразии, включая исследования половозрастных групп и вертикальной иерархии, в том числе и статистическими методами. К сожалению, сарматские памятники оказались за пределами географии этого исследования. Непосредственно изучению вертикальной социальной структуры различных обществ, вернее, её элитарной составляющей, посвящена коллективная монография «Элита в истории древних и средневековых народов Евразии» под редакцией П.К. Дашковского [2015]. В книгу вошёл раздел, посвящённый «элитной субкультуре ранних кочевников Южного Приуралья», подготовленный Л.Т. Яблонским.

Реконструкция социальных структур при помощи палеоантропологических данных имеет гораздо более короткую историю в археологии кочевников раннего железного века. Собственно, до конца 1990-х годов палеоантропологические исследования сводились в основном к вопросам краниологии и происхождению древних популяций. Первая попытка реконструкции социальной структуры кочевников на основе антропологических критериев была предложена М.А. Балабановой [2003] на примере общества поздних сарматов Нижнего Поволжья. В 2015 г. М.А. Балабановой и её соавторами был представлен фундаментальный труд по реконструкции социальной структуры ранних кочевников Нижнего Поволжья, удачно сочетающий в себе методы антропологии и археологии [Балабанова и др. 2015].

Возвращаясь непосредственно к проблеме реконструкции социальной структуры ранних кочевников Южного Урала как с археологической, так и с палеоантропологической точки зрения, следует констатировать, что обобщающих работ в этом направлении до сих пор не опубликовано. На сегодняшний день подавляющее число исследований имеет более частный, казуальный характер, в которых анализируются случаи обнаружения единичных захоронений или отдельные возрастные/гендерные/вертикально-иерархические группы кочевников. Мы считаем важным структурировать эти данные и выявить пробелы в наших знаниях и проблемы, до сих пор остающиеся без внимания.

Основная цель данной работы заключается, таким образом, в кратком историографическом обзоре ключевых работ по социальной структуре ранних кочевников Южного Урала в свете археологических и палеоантропологических данных.

Изучение возрастных и гендерных групп в обществах ранних кочевников Южного Урала.

Мужские/женские захоронения

Интересной особенностью реконструкции социальных отношений среди кочевников раннего железного века является некоторый перекосяк в сторону изучения женских погребений. Помимо поиска свидетельств матриархата в древности, большой интерес вызывали захоронения так называемых «амазонок» – женщин-кочевниц, погребённых с большим количеством оружия. Другим направлением стало изучение захоронений «жриц» – женщин, захоронённых с «предметами культа» – каменными алтариками, зеркалами, красками, наборами для татуировок. Главный вопрос, который занимал и занимает исследователей – представляли ли эти женщины особые социальные группы («воительницы», «жрицы»), и каков был их социальный статус? Историография этого

вопроса весьма обширна, в этой статье мы коснёмся лишь работ, связанных непосредственно с Южно-Уральским регионом.

К.Ф. Смирнов, пожалуй, был первым исследователем, который подробно изложил свою концепцию социальной жизни кочевников раннего железного века на материалах Южного Приуралья. Он полагал, что женщины имели высокий статус в савроматском обществе и принимали участие в военных действиях, а также отмечал особый статус «савроматских жриц» [Смирнов 1964: 200–203].

После исчерпывающих работ Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова, А.М. Хазанова, упомянутых выше, дискуссия о социальном устройстве обществ кочевников раннего железного века была на некоторое время поставлена на паузу. Обсуждение возобновилось в конце XX в., с увеличением источниковой базы и постепенным внедрением естественно-научных методов анализа, включая антропологические.

Выявлению несоответствия традиционным представлениям о женщине «савроматской» археологической культуры действительности посвятила свою работу Т.В. Мирошина. Исследовательница пришла к заключению, что существование у «савроматов» жриц не подтверждается археологически, количество вооружённых женщин у них такое же, как у скифов и саков, что не соответствует письменным источникам и не может говорить об исключительности женской роли у кочевников Приуралья и Поволжья, а лишь свидетельствует о возможном равноправии между женщинами и мужчинами [Мирошина 1990: 159–176].

М. Барнабей, Л. Бондиоли и А. Гуиди также выразили свои сомнения относительно особой женской роли в обществе савроматских кочевников. Согласно результатам их исследования: в обществе кочевников Волго-Уралья савроматского времени преобладала патрилинейная система, наличие настоящего вооружения в женских погребениях редко и может рассматриваться как ошибка, наконечники стрел не должны интерпретироваться как «настоящее» оружие, а их наличие в женских погребениях является свидетельством высокого социального статуса погребённой [Барнабей и др. 1994: 172–173]. Надо отметить, что российские учёные не согласились с этими выводами [Статистическая обработка... 1994: 174].

Под руководством Л.Т. Яблонского, Дж. Дэвис-Кимболл и Н.Л. Моргуновой, в рамках российско-американского сотрудничества, проводились раскопки могильников у села Покровка с 1992 по 1995 г. Результаты, включая антропологические данные, дали информацию, которую Дж. Дэвис-Кимболл смогла использовать для изучения социальных ролей («статусов») женщин и мужчин в обществе ранних кочевников. Согласно Дж. Дэвис-Кимболл, женские погребения должны иметь более чем 50 бусин или бусину необычайно высокой ценности, чтобы относиться к категории богатых погребений. Для отнесения к категории воительниц в погребении было достаточно найти только один предмет: наконечник стрелы, меч или кинжал, или колчан со стрелами [Davis–Kimball 1998: 142–149].

Высокий статус женщин в обществе ранних кочевников неоднократно отмечался в работах Л.Т. Яблонского, который полагал, что, помимо традиционных ролей, женщины иногда вместе с мужчинами участвовали в боевых действиях, а также «осуществляли роль семейных и племенных жриц». «Общественная роль женщины у кочевников той поры была настолько высока, что греки называли ранних кочевников степной Евразии «женоуправляемыми» [Яблонский 2013: 11–12].

Теперь отметим работы, которые проводились на больших выборках, снабжённых антропологическими определениями. Гендерную дифференциацию в «савроматской» культуре

на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья подробно рассмотрела М.С. Стрижак. Статистическим путём ею было выделено два набора предметов. В мужском преобладают предметы вооружения, в женском – предметы культа. Исследовательница пришла к выводу, что «состав погребального инвентаря определялся не столько полом умершего, сколько его прижизненным социальным положением, функциями, которые он выполнял в кочевом обществе» [Стрижак 2006: 41–42]. М.С. Стрижак сделала вывод, что предметы вооружения не являлись характерным инвентарём женских погребений. Традиционно женский инвентарь составляли украшения, зеркала, раковины, пряслица, иглы, шилья, проколки, костяные ложечки, а мужской инвентарь – вооружение и конская сбруя [Стрижак 2006]. Собранный материал не позволил М.С. Стрижак говорить о существовании женских вооружённых отрядов и в раннесарматское время [Стрижак 2007: 71–75].

Спустя 10 лет, в результате сравнительного анализа женских захоронений савроматского времени, ранне- и позднесарматских культур А.Х. Гильмитдинова разделила женские захоронения на две группы: (1) с нетипичным для женщин набором инвентаря (большое количество наконечников стрел, кинжал, колчан) (17%) и (2) со «стандартным» женским инвентарём (украшения, предметы туалета/культа) (83%). По мнению автора, женщины в обществе ранних кочевников выполняли несколько социальных ролей. Отсутствуют серьёзные основания предполагать профессиональную подготовку женщин к военным действиям, но не исключена возможность, что женщины могли принимать в них участие по необходимости [Гильмитдинова 2016: 66–69].

Н.А. Берсенева проанализировала женские погребения из могильника эпохи раннего железа Кичигино I (Южное Зауралье), содержавшего захоронения с VII в. до н.э. по II–IV вв. н.э. Интересной особенностью этого памятника является, при относительно небольшом количестве захороненных, наличие всех трёх типов женских погребений: с украшениями, с оружием и с предметами культа [Берсенева 2020]. Позднее Н.А. Берсенева и А.Д. Таиров пришли к заключению, что раннесарматские женские погребения с крупными колчанными наборами из кургана № 3 Кичигино I вкупе с другими подобными погребениями Южного Урала позволяют поставить вопрос об участии некоторых женщин в боевых действиях [Берсенева 2022; Берсенева, Таиров 2023].

Исследование, посвященное социальной роли женщин в древнем обществе, выполнено Я.А. Лукпановой на примере женских погребений из мог. Жайык-1 (кург. № 1), датируемого с V–IV до IV–III вв. до н.э. [Лукпанова 2020]. Другим примером глубокого изучения отдельного женского погребения является статья Г.С. Джумабековой с соавторами, где захоронение женщины интерпретировано как место упокоения «служительницы культа, целительницы, ворожеи, охранительницы очага» на основании анализа растительных остатков и инвентаря [Джумабекова и др. 2022].

Изучение мужских погребений ранних кочевников Южного Урала в основном проводилось по линии изучения военного дела, предметов вооружения и конской узда. На материалах Приуралья К.Ф. Смирнов заключил, что «оружие представляет основу погребального инвентаря» в мужских могилах савроматов. В монографии «Савроматы» подчёркивался высокий статус женщин, но под «верховными военными вождями» или «царями», которые, по его мнению, обладали высшей властью в обществе кочевников, включая внешнеполитические аспекты, автор, без сомнения, подразумевал мужчин [Смирнов 1964: 210–212].

Как уже отмечалось выше, начало следующей волны исследований, пришлось на конец прошлого века. В.Н. Мышкин, пытаясь выявить характерный мужской воинский инвентарь у ранних кочевников Самаро-Уральского региона, выделил две группы предметов, которые соотносятся с

мужскими и женскими погребениями. Вещи мужского воинского набора состоят из железного меча, наконечников стрел и конской сбруи; а женский инвентарь включает алтарики, ожерелье из бус, подвески, зеркала, гальки, раковины, «амулеты-колёсики», пряслица, иглы, туалетные сосудики, нашивные бляшки, серьги, чашечки, браслеты, отдельные экземпляры бусин [Мышкин 2001].

Наиболее детально тема мужских захоронений разработана в исследовании Р.С. Багаутдинова и В.Н. Мышкина [2013], посвящённом изучению погребений мужчин разных возрастных групп Самаро-Уральского региона VI—IV вв. до н.э. Авторы отмечают, что предметы вооружения являлись основным маркером мужских погребений, при этом сопровождение мужчин оружием не зависело от их возраста.

Л.Т. Яблонский полагал, что «роль мужчин ограничивалась, в основном, участием в постоянных боевых действиях и в охоте» [Яблонский 2013: 12]. Материалы мог. Филипповка 1 также подтверждают высокий воинский статус некоторых мужчин даже в весьма пожилом для того времени возрасте (50–55 лет) [Яблонский 2013: 26].

В качестве источника для изучения социального статуса в обществе ранних кочевников В.М. Клепиковым [2016] были привлечены раннесарматские мужские погребения с двумя мечами из могильников Южного Приуралья. В.М. Клепиков заключил, что подобным образом могли быть захоронены «вожди клана», вероятно, военные. Этот вывод исследователь подтверждает и другими аргументами – зрелый и пожилой возраст умерших, наличие других маркеров высокого статуса; полный набор вооружения, защитный доспех, конская узда, бронзовый котёл [Клепиков 2016: 107].

Одно из последних по времени исследований мужских захоронений выполнено А.Х. Гильмитдиновой. По результатам её анализа, отличительной чертой мужских погребений ранних кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. являлась высокая частота встречаемости предметов вооружения, что позволяет сделать заключение о наличии гендерно окрашенных комплексов погребального инвентаря, характеризующих мужские захоронения ранних кочевников Южного Урала [Гильмитдинова 2021].

Детские захоронения

Изучение детей как социальной категории в обществах кочевников раннего железного века имеет пока довольно короткую историю. Детские погребения сравнительно редко встречаются в могильниках исследуемого периода и региона, и до недавнего времени детских погребений, костные останки из которых имеют палеоантропологические определения биологического возраста, было недостаточно для анализа. Поэтому в статье, анализирующей результаты статистической обработки сарматских памятников Южного Приуралья, М. Барнабей, Л. Бондиоли и А. Гуиди уделили мало внимания детям, представленными лишь 19 захоронениями. Авторы отметили полное отсутствие предметов вооружения в детских могилах, однако по индексу встречаемости «ритуальных предметов» они оказались близки к взрослым, что позволило учёным подтвердить ранее сделанный вывод о «сложности» изучаемого общества [Барнабей и др. 1994: 169–170].

Лишь в начале XXI в. источниковая база позволила Н.А. Берсеновой и А.Х. Гильмитдиновой вновь поднять данный вопрос и провести анализ детских захоронений (92 индивида) [Берсенова, Гильмитдинова 2013], позднее дополненный в недавних статьях [Берсенова 2023; Чиркова 2023: 170]. В результате анализа детских захоронений IV–II вв. до н.э. Н.А. Берсенова и А.Х. Гильмитдинова выделили две основные социально-значимые возрастные группы незрелых: от 0 до 5 лет и от 5 до 15 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря и высокой долей погребений без сохранившегося инвентаря. Вторая

группа отражает процесс гендерной и возрастной социализации [Берсенева, Гильмитдинова 2013: 39–41; Берсенева 2023]. По итогам исследования «савроматской» выборки (конец VI – 1-я пол. V в. до н.э.) Н.А. Берсенева была вынуждена заключить, что выборка недостаточна для уверенных выводов, она характеризовалась малым количеством погребённых младенческих возрастов и довольно значительной группой «подростков» (10–15 лет), что не может отражать демографических реалий того времени.

Интересный подход к анализу продемонстрирован в статье Н.С. Савельева. Публикуемые им комплексы из горно-степной зоны Южного Зауралья показали, что одним из распространённых вариантов захоронения детей являлось сооружение небольших погребальных конструкций, по своим характеристикам не отличающихся от общепринятого стандарта в рассматриваемое время. Сложность их нахождения связана с небольшими размерами и малозаметностью. И на смену такому разреженному (сетевому) размещению детских погребений постепенно, начиная с рубежа V–IV вв. до н.э., приходит практика захоронения детей в курганах — семейных кладбищах. Своего пика эта традиция на Южном Урале достигает в III–II вв. до н.э. [Савельев 2019].

Можно увидеть три главных направления изучения детских погребений: первый заключается в сравнительном анализе со взрослыми погребениями и в выделении отдельных признаков, характеризующих детский погребальный обряд. Второе направление исследования заключается в реконструкции этапов социализации детей в древнем обществе и выявлении возрастных групп среди представителей невзрослой части общества ранних кочевников. В третьем случае исследуются пространственные аспекты размещения детских захоронений, что позволяет проследить отношение общества к детям, отчасти объяснить их недопредставленность в могильниках и, как следствие, социальный статус маленьких умерших.

Изучение вертикальной социальной иерархии

Изучение социальной дифференциации, выявленной по результатам анализа погребальных памятников, является ещё одним направлением в реконструкции обществ ранних кочевников. Нужно отметить, что эта тема довольно часто обсуждается при анализе почти каждого ключевого могильника этой эпохи (см. подробнее: [Гильмитдинова 2018; 2019]). Поэтому здесь мы старались обозначить только работы, посвящённые элитным погребальным комплексам ранних кочевников как социальному явлению и маркеру высокого социального статуса.

Попытки изучения социальной дифференциации ранних кочевников по погребальным памятникам в отечественной историографии предпринимаются со 2-й пол. XX в. Одним из первых, кто попытался выделить черты элитных погребений, был К.Ф. Смирнов [1964; 1981]. Он считал, что в среде ранних кочевников Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э. происходил интенсивный процесс социальной дифференциации и классовообразования. По его мнению, кочевое общество Южного Приуралья постепенно расслаивалось на воинов (вождей и их военные дружины), жреческую прослойку и рядовых общинников-скотоводов [Смирнов 1981: 84–88].

После открытия и раскопок крупного могильника Филипповка 1 в Южном Приуралье, обсуждению социальной элиты среди сарматов был дан новый импульс. А.Х. Пшеничнюк заключил, что основные черты элитарного погребального обряда проявляются в размерах насыпей курганов и количестве драгоценных изделий [Пшеничнюк 2012: 19]. По мнению Л.Т. Яблонского, маркерами погребений элитарной группы кочевников, кроме вышеперечисленных, являлись некоторые признаки погребального обряда и типологический состав сопровождающего инвентаря, которые

маркируют высокий статус не только погребённого, но и целого могильника. Как пример кладбища элиты, Л.Т. Яблонский приводил мог. Филипповка 1. Исследователь отмечал, что «элитарность» не всегда связана с большими размерами курганов: в мог. Филипповка 1 только две насыпи превышали 8 м в высоту, но почти во всех погребениях некрополя, даже ограбленных, встречены предметы, выполненные из драгоценных металлов [Яблонский 2015: 37–61].

Изучение захоронений мог. Филипповка 1 как место упокоения социальной элиты было продолжено Н.С. Савельевым. В работе 2023 г. автор попытался выделить ранговые группы внутри собственно «элиты» кочевников. В результате была предложена гипотеза о наличии четырех ступеней в погребениях «знати»: (1) люди высшего («царского») ранга; (2) высшая аристократия; (3) люди, захороненные в центральных склепах (индивидуальные и коллективные), а также – боковые погребения в крупных ямах; (4) боковые погребения в подбоях и катакомбах периферийных курганов. Погребений, которых можно было бы отнести к «рядовым»: периферийное расположение, скудный инвентарь – всего шесть. Отличия в погребальных сооружениях Н.С. Савельев объясняет не только различным социальным статусом умерших, но и «этнографическими традициями» различных составляющих «филипповского объединения», проявившихся в захоронениях элит [Савельев 2023: 40–42].

В.Н. Мышкин рассматривал погребальную обрядность как часть субкультуры социальной элиты кочевников, населявших степи Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. [Мышкин 2010: 170]. Им было выделено пять видов элитных погребений, которые обусловлены многокомпонентным этнокультурным составом племён Волго-Уралья [Мышкин 2013: 223].

Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья и Западного Казахстана сер. I тыс. до н.э. исследовал С.Ю. Гуцалов. Он отмечал существование различий между т. н. «бедными» и «богатыми» захоронениями. Помимо размеров курганных насыпей и могильных ям, что предполагает разный уровень трудозатрат, исследователь видел обрядовые элементы, типичные как для аристократии, так и для рядового населения [Гуцалов 2001: 55–59].

А.Д. Таировым [2007] сформулирована гипотеза, согласно которой во 2-й пол. V–IV в. до н.э. на территорию Южного Урала в авангарде мигрирующих групп родственных племён, вероятнее всего, из Восточного Туркестана шли именно элитарные группы, которые принимали активное участие в формировании культуры ранних кочевников Приуралья. Вместе с волнами пришельцев с востока в конце V в. до н.э. на Южный Урал были привнесены такие традиции погребального обряда, как захоронения в подбоях с южной ориентировкой покойников, которые очень быстро стали своеобразным маркером высокого социального статуса [Таиров, Гаврилюк 1988]. Л.Т. Яблонским в работе 1997 г. также был поставлен вопрос о возможной зависимости социального статуса индивида от его генетического происхождения на примере ситуации с могильником Покровка 2 [Яблонский 1997: 159].

Системную работу по выявлению критериев элитных погребений ранних кочевников Южного Урала 2-й пол. VI–IV в. до н.э. проделала А.Х. Гильмитдинова (Чиркова). Ею выделен набор признаков, маркирующих социальную верхушку, к которым относятся: большие размеры курганов; сложная надмогильная конструкция; могильные ямы с дромосом; большие и глубокие могильные ямы; наличие «престижных вещей» в погребениях (вещи из драгоценных металлов, предметы импорта, большое количество украшений и предметов вооружения) [Гильмитдинова 2019].

Изучение социальной структуры ранних кочевников Южного Урала по данным палеоантропологии

К палеоантропологическим работам, посвящённым исследованию социальной структуры ранних кочевников Южного Урала, прежде всего можно отнести ряд публикаций, подготовленных по результатам анализа курганных могильников Филипповка 1 и 2. Филипповский могильник является одним из выдающихся памятников ранних кочевников сер. I тыс. до н.э., поэтому богатство и своеобразие материальной и духовной культуры погребённых в филипповских курганах вызывает особый интерес не только археологов, но и специалистов смежных наук. Первое краниологическое изучение материала из погребений филипповского могильника было проведено Р.М. Юсуповым и А.И. Нечвалодой [Юсупов, Нечвалода 2012], а антропологические реконструкции лица по черепам мужчины и женщины из Филипповского могильника выполнены А.И. Нечвалодой [2012].

Недавно вышедшая статья А.А. Хохлова, Е.П. Китова и В.Н. Мышкина посвящена реконструкции связи социальной элиты кочевников Южного Приуралья, погребённых в курганах могильников Филипповка 1 и 2. По результатам их исследования формирование скотоводческого населения раннего железа (V–IV вв. до н.э.) двух регионов – Южного Приуралья и Приаралья – происходило на единой антропологической основе, которая связана с племенами кочевников Центрального Казахстана. На основе чего авторы пришли к заключению, что пространственные связи кочевников, оставивших филипповские курганы, географически широки и, судя по археологическим данным, связи кочевников происходили, в первую очередь, на основе торгово-хозяйственных отношений [Хохлов и др. 2024].

Для построения моделей социальной организации и выявления профессиональной направленности интересующей палеоантропологической серии следует проводить анализ половозрастной структуры и антропологического состава; описывать патологии на костях и зубах; исследовать макрорельеф длинных костей; определять функциональную значимость такого маркера, как искусственная деформация головы [Балабанова 2003; Балабанова и др. 2015]. Касательно последнего пункта, ранее Л.Т. Яблонским была зафиксирована связь между наличием бешиковой деформации черепа и, возможно, особым социальным статусом мужчин из погребений могильника раннесарматского времени Покровка 2 на фоне других некрополей у с. Покровка [Яблонский 1997]. По мнению А.А. Хохлова, такая традиция доживает в Приуралье и до среднесарматского времени [Хохлов 2003: 83].

Ещё один аспект изучения антропологического материала – это изменение палеопатологического состояния костей и зубов, что позволяет оценивать образ жизни древних групп населения. Н.А. Суворовой исследован одонтологический материал прохоровского (IV–II вв. до н.э.) и позднесарматского (II–IV вв. н.э.) периодов из мог. Покровка 10 с целью получения более полного представления об образе жизни и состоянии здоровья исследуемого населения. Н.А. Суворовой рассматривались распространённость кариеса, пародонтоза, гипоплазии зубной эмали, флюорооза и общий показатель заболеваемости зубной системы [Суворова 2008: 88].

Степень двигательной активности, реконструируемой по состоянию костей, может определяться не только выраженностью деформирующего артроза [Балабанова 2003: 247], но и изменчивостью макрорельефа длинных костей. Д.В. Пежемским было проведено изучение длинных костей поздних сарматов Южного Урала (II–IV вв. н.э.), погребённых в курганном могильнике Покровка 10. По результатам исследования он приходит к выводу, что особенности развития элементов макрорельефа длинных костей людей из Покровки 10 свидетельствуют

о «всадническом комплексе», но позволяют уточнить морфологический статус женской части популяции, для которой верховая езда, вероятно, имела значительно меньшее значение. Таким образом, по данным макрорельефа длинных костей, для мужчин и женщин изучаемой группы были характерны несходные типы «привычных» движений, связанных с различными физическими нагрузками и, вероятно, разными ролями в хозяйственно-бытовой деятельности [Пежемский 2008: 97].

Свидетельством участия в боевых столкновениях являются следы травматических повреждений на костях. Травматические повреждения на черепках сарматского времени Западного Казахстана рассматривались Е.П. Китовым, А.А. Хохловым и А.О. Китовой [Китов и др. 2019; 2020]. По итогам исследования на черепках ранних кочевников Волго-Уральского региона VI—II вв. до н.э. зафиксировано малое количество травм с отсутствием следов стресса, что указывает на относительно благополучное существование населения раннего железного века на рассматриваемой территории.

Заключение

В статье очерчены основные этапы изучения социальной структуры или отдельных социальных групп ранних кочевников Южного Урала. В течение XX в. можно проследить изменение подходов к реконструкции. Во-первых, меняется сам предмет исследования. Изначально, вдохновившись трудами античных авторов, учёные интересовались в первую очередь характером построения социальной структуры общества «савроматов»/сарматов и поиском археологических подтверждений отчётам древних историков. Вопрос о матриархате, матрилинейности и матрилокальности в обществе ранних кочевников занимал умы археологов многие десятилетия. Только в конце XX в. произошло переосмысление того факта, что нахождение оружия и предметов культа в женских погребениях не является прямым доказательством пережитков матриархата в социуме, а может отражать различные социальные роли женщин. Вектор исследований сместился «вглубь», к скрупулёзному изучению первоисточника – археологического памятника. Появились исследования возрастных групп, в т. ч. детей, а применение естественно-научных методов позволило скорректировать или дополнить некоторые более ранние предположения. Ряд позиций, высказанный учёными I-й пол. – сер. XX в. остался, тем не менее, неизменным: (1) женщины занимали достаточно высокую социальную позицию; (2) социальные роли женщин, манифестируемые в погребениях, более разнообразны, чем мужские; (3) детские погребения устраивались по упрощённому обряду, высокая социальная позиция родителей, вероятно, не распространялась на маленьких детей; (4) вертикальный социальный статус взрослых кочевников не имел прямой зависимости от пола или возрастной группы.

В результате краткого палеоантропологического обзора можно констатировать преобладание публикаций с результатами краниологического анализа, и лишь малая часть работ посвящена изучению зубной системы и длинных костей скелета. По сравнению со степенью палеоантропологической изученности костных останков из памятников Нижнего Поволжья [Балабанова и др. 2015], южноуральские антропологические материалы эпохи ранних кочевников нуждаются в дополнительном исследовании в социальном ключе.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. К проблеме исследования мужских возрастных групп у кочевников Самаро-Уральского региона (по материалам могильников VI–IV вв. до н.э.) // Вестник СамГУ. 2013. № 8/2 (109). С. 7–12.
- 2 Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. 2003. № 6. С. 66–88.
- 3 Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2015. 272 с.
- 4 Бернабей М., Бондиолли Л., Гуиди А. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1994. С. 159–211.
- 5 Берсенева Н.А. Женские погребения могильника Кичигино I в контексте особенностей погребального обряда ранних кочевников Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. 2020. Т. 20. № 4. С. 24–30.
- 6 Берсенева Н.А. Женские погребения с предметами вооружения на памятниках ранних кочевников Южного Урала (конец V–II в. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 1 (50). С. 99–105.
- 7 Берсенева Н.А. К реконструкции социальной структуры ранних кочевников Южного Урала (VI–III вв. до н.э.): детские погребения // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 1. С. 85–99.
- 8 Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 36–44.
- 9 Берсенева Н.А., Таиров А.Д. Социальный анализ погребальных комплексов ранних кочевников Южного Зауралья на примере могильников у с. Кичигино (Челябинская область) // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 1. С. 31–41.
- 10 Гильмитдинова А.Х. Социальные роли женщин в обществе ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и актуальные проблемы сарматской археологии: м-лы IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 66–69.
- 11 Гильмитдинова А.Х. Элитные погребения ранних кочевников Южного Урала (краткий обзор отечественной историографии) // Вестник ЮУрГУ. 2018. Т. 18. № 3. С. 22–26.
- 12 Гильмитдинова А.Х. К вопросу о критериях элитных погребальных памятников ранних кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н.э. // Вестник Московского университета. 2019. Сер. 8. История. № 1. С. 123–138.
- 13 Гильмитдинова А.Х. Мужские погребения ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. сб. науч. тр. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 124–137.
- 14 Джумабекова Г.С., Нигматова С.А., Алтынбекова Э.К., Алтынбеков К., Базарбаева Г.А. Женщина и ритуал в культуре ранних кочевников: по материалам кургана Тасарык в Казахстане // Stratum plus. 2022. № 3. С. 359–379.
- 15 Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.
- 16 Гуцалов С.Ю. Скифы на Южном Урале // Этнопанорама. 2001. № 1. С. 55–59.
- 17 Китов Е.П., Хохлов А.А., Иванов С.С. Боевые травмы у ранних кочевников «савромато-сарматского» облика как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI–II вв. до н.э. // Stratum plus. 2019. № 3. С. 169–180.
- 18 Китов Е.П., Хохлов А.А., Китова А.О. Травматические повреждения на черепках срубной культуры и сарматского времени Западного Казахстана (на примере могильника Утвинка) // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 2. С. 24–33.
- 19 Клепиков В.М. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) // Константин Федорович Смирнов и актуальные проблемы сарматской археологии: м-лы IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 104–109.

- 20 Лукпанова Я.А. Женские погребения из кургана 1 могильника Жайык-1 в Западном Казахстане // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2 (30). С. 111–127.
- 21 Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 159–176.
- 22 Мышкин В.Н. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей / Отв. ред. И.В. Сергацков. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 142–160.
- 23 Мышкин В.Н. О субкультуре элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V веках до нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. 2010. № 11. С. 170–190.
- 24 Мышкин В.Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 1. Т. 15. С. 219–225.
- 25 Нечвалода А.И. Антропологическая реконструкция лица по черепам мужчины и женщины из Филипповского могильника // Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 270–276.
- 26 Пежемский Д.В. Морфология длинных костей скелета и конституциональные особенности поздних сармат по материалам могильника Покровка 10 // Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит., 2008. С. 95–100.
- 27 Пшеничнюк А.Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- 28 Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / Материалы по археологии России. № 37. Петроград: Девятая гос. тип., 1918. 124 с.
- 29 Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья: по археологическим материалам. Саратов: Саратов. краев. изд-во, 1936. 152 с.
- 30 Савельев Н.С. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н. э. // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 55–62.
- 31 Савельев Н.С. Филипповский некрополь и «филипповский» мир Южного Урала середины I тысячелетия до н.э. // Сокровища сарматских вождей: Древности середины I тысячелетия до н.э. из Филипповских курганов на Южном Урале: Научный каталог / Науч. ред. С.В. Сиротин. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 36–42.
- 32 Смирнов А.П. К вопросу о матриархате у сарматов // Проблемы скифской археологии. МИА 177. М.: Наука. 1971. С. 188–191.
- 33 Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- 34 Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: БФАН СССР, 1981. С. 68–91.
- 35 Социальная структура ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин, А.В. Харинский. Иркутск: Иркутский гос. тех. ун-т, 2005. 312 с.
- 36 Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1994. 224 с.
- 37 Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. 163 с.
- 38 Стрижак М.С. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2006. № 8. С. 35–49.
- 39 Стрижак М.С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV в. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 71–75.
- 40 Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка 10 (предварительное сообщение) // Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит., 2008. С. 87–94.

- 41 Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 274 с.
- 42 Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1988. С. 141–159.
- 43 Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // Вестник древней истории. 1970. № 2. С. 138–148.
- 44 Хохлов А.А. Краниологические особенности ранних кочевников VI–I веков до н.э. Самарского Заволжья и Южного Приуралья // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара: Самарский обл. истор.-краеведч. музей им. П.В. Алабина, 2003. С. 82–87.
- 45 Хохлов А.А., Китов Е.П., Мышкин В.Н. К проблеме связей социальной элиты кочевников Южного Приуралья по данным краниологии из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23, № 1. С. 27–45.
- 46 Чиркова А.Х. Возрастные группы кочевого населения Южного Урала (вторая половина VI–IV в. до н. э.) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: м-лы II Междунар. междисциплинар. конф. (г. Челябинск, 12–14 апреля 2023 г.) / Отв. ред. Е.В. Куприянова. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2023. С. 164–173.
- 47 Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. 330 с.
- 47 Юсупов Р.М., Нечвалода А.И. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 258–270.
- 48 Яблонский Л.Т. Социальная стратификация степных популяций в физико-антропологическом аспекте // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 154–163.
- 49 Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- 50 Яблонский Л.Т. Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. С. 37–61.
- 51 Davis-Kimball J. Statuses of Eastern Iron Age Nomads // Papers from the EAA Third Annual Meeting at Ravenna 1997. Oxford: Archaeopress, 1998. Vol. 1. Pre- and Protohistory. Pp. 142–149.
- 52 Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927. 112 с.
- 53 Tainter J.R. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Archaeological Method and Theory. 1978. No. 1. Pp. 105–141.

REFERENCES

- 1 Bagautdinov, R. S., Myshkin, V. N. 2013 In: *Vestnik SamGU (Samara State University Bulletin)* 8/2 (109), 7–12 (in Russian).
- 2 Balabanova, M. A. 2003. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 6, 66–88 (in Russian).
- 3 Balabanova, M. A., Klepikov, V. M., Korobkova, E. A., Krivosheev, M. V., Pererva, E. V., Skripkin, A. S. 2015. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebnaya obryadnost i antropologiya (Age and sex structure of the Sarmatian population of the Lower Volga region: burial rituals and anthropology)*. Volgograd: Volgograd branch of RAN KhS (in Russian).
- 4 Bernabei, M., Bondioli, L., Guidi, A. 1994. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebnikh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vol. I: Savromatskaya epokha (VI–IV vv. do n.e.) (Statistical processing of burial monuments of Asian Sarmatia. Part I: Sauromatian era (6th–4th centuries BCE))*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 159–211 (in Russian).
- 5 Berseneva, N. A. 2020. In: *Vestnik YuUrGU (The South-Ural State University Bulletin)* 20 (4), 24–30 (in Russian).
- 6 Berseneva, N. A. 2022. In: *Arkheologiya, ehnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 1 (50), 99–105 (in Russian).

- 7 Berseneva, N. A. 2023. In: *Nizhnevolzhskiy arkhelogicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*, 1 (22), 85–99 (in Russian).
- 8 Berseneva, N. A., Gilmidinova, A. Kh. 2013. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 2 (21), 36–44 (in Russian).
- 9 Berseneva, N. A., Tairov, A. D. 2023. In: *Ufimskiy arkhelogicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 1 (23), 31–41 (in Russian).
- 10 Gilmidinova, A. H. 2016. In: Yablonsky, L. T., Kraeva, L. A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i aktualnye problemy sarmatskoy arkheologii (Konstantin Fedorovich Smirnov and current problems of Sarmatian archaeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 66–69 (in Russian).
- 11 Gilmidinova, A. H. 2018. In: *Vestnik YuUrGU (The South-Ural State University Bulletin)*, 3 (18), 22–26 (in Russian).
- 12 Gilmidinova, A. H. 2019. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta (The Moscow University Bulletin)*. Vol. 8. History 1, 123–138 (in Russian).
- 13 Gilmidinova, A. H. 2021. In: Morgunova, N. L. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhya (Archaeological sites of Orenburg region)*. Issue 15. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 124–137 (in Russian).
- 14 Jumabekova, G. S., Nigmatova, S. A., Altynbekova, E. K., Altynbekov, K., Bazarbayeva, G. A. 2022. In: *Stratum plus*, 3, 359–379 (in Russian).
- 15 Grakov, B. N. 1947. In: *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*, 3, 100–121 (in Russian).
- 16 Gutsalov, S. Y. 2001. In: *Ehtnopanorama*, 1, 55–59 (in Russian).
- 17 Kitov, E. P., Khokhlov, A. A., Ivanov, S. S. 2019. In: *Stratum plus*, 3, 169–180 (in Russian).
- 18 Kitov, E. P., Khokhlov, A. A., Kitova, A. O. 2020. In: *Vestnik Kalmytskogo universiteta (Bulletin Kalmyk University)*, 2, 24–33 (in Russian).
- 19 Klepikov, V. M. 2016. In: Yablonsky, L. T., Kraeva, L. A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i aktualnye problemy sarmatskoy arkheologii (Konstantin Fedorovich Smirnov and current problems of Sarmatian archaeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 104–109 (in Russian).
- 20 Lukpanova, Y. A. 2020. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (30), 111–127 (in Russian).
- 21 Miroshina, T. V. 1990. In: Melyukova, A. I. (ed.) *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii (Problems of Scythian-Sarmatian archeology)*. Moscow: Institute of Archaeology USSR Academy of Sciences, 159–176 (in Russian).
- 22 Myshkin, V. N. 2001. In: Sergatskov, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey (Materials on the archaeology of the Volga-Don steppes)*. Vol. 1. Volgograd, 142–160 (in Russian).
- 23 Myshkin, V. N. 2010. In: *Nizhnevolzhskiy arkhelogicheskiy vestnik (The Lower Volga archaeological Bulletin)*, 11, 170–190 (in Russian).
- 24 Myshkin, V. N. 2013. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN (News of the Samara Scientific Center of the RAS)*. No. 1, vol. 15, 219–225 (in Russian).
- 25 Nechvaloda, A. I. 2012. In: Pshenichnyuk, A. K. (ed.) *Filippovka: Nekropol kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BCE in the Southern Urals)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of RAS, 270–276 (in Russian).
- 26 Pezhemsky, D. V. 2008. In: Malashev, V. Y., Yablonsky L. T. (ed.) *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground)*, 95–100. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
- 27 Pshenichnyuk, A. K. 2012. *Filippovka: nekropol kochevoy znati IV veka do n. e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BCE in the Southern Urals)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of RAS (in Russian).
- 28 Rostovtsev, M. I. 1918. *Kurgannye nahodki Orenburgskoy oblasti epohi rannego i pozdnego ellinizma (Kurgan finds of the Orenburg region from the era of early and late Hellenism)*. Petrograd: Ninth State Typography (in Russian).

- 29 Rykov, P. S. 1936. *Ocherki po istorii Nizhnego Povolzh'ya: po arkheologicheskim materialam* (Essays on the history of the Lower Volga region: based on archaeological materials). Saratov: "Saratov kraev. izd-vo" Publ. (in Russian).
- 30 Savelev, N. S. 2019. In: *Ural'skij istoricheskiy vestnik* (The Ural Historical Bulletin), 1 (62), 55–62 (in Russian).
- 31 Savelev, N. S. 2023. In: Sirotin, S. V. (ed.) *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdej: Drevnosti serediny I tysyacheletiya do n.e. iz Filippovskikh kurganov na Yuzhnom Urale: Nauchnyy katalog* (Treasures of the Sarmatian Chieftains: Antiquities of the Middle of the 1st Millennium BCE from the Filippovka Kurgans in the Southern Urals), 36–42. Moscow: The Pushkin State Museum of fine arts (in Russian).
- 32 Smirnov, A. P. 1971. In: *Problemy skifskoy arkheologii* (Problems of Scythian archaeology). *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR). Issue 177. Moscow: "Nauka" Publ., 188–191 (in Russian).
- 33 Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Rannyya istoriya i kultura savromatov* (Sauromatians. Early History and Culture of the Sauromatians). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 34 Smirnov, K. F. 1981. In: Mazhitov, N. A. (ed.) *Materialy po khozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* (Materials on the economy and social structure of the tribes of the Southern Urals). Ufa: Bashkir Branch of USSR Academy of Sciences, 68–91 (in Russian).
- 35 Kradin, N. N. Tishkin, A. A., Kharinsky, A. V. (eds.). 2005. *Sotsialnaya struktura rannikh kochevnikov Evrazii* (Social structure of the early nomads of Eurasia). Irkutsk: Irkutsk State Technological University (in Russian).
- 36 Moshkova, M. G. (ed.). 1994. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Vol. I: Savromatskaya epoha (Statistical processing of burial monuments of Asian Sarmatia. Issue I: Sauromatian era). Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 37 Moshkova, M. G. (ed.). 1997. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Vol. II: Rannesarmatskaya kultura (Statistical processing of burial monuments of Asian Sarmatia. Part II: Early Sarmatian culture). Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 38 Strizhak, M. S. 2006. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (The Lower Volga archaeological Bulletin), 8, 35–49 (in Russian).
- 39 Strizhak, M. S. 2007. In: Yablonsky, L. T., Tairov, A. D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i khronologiya* (Sarmatian Weapons: Regional Typology and Chronology). Chelyabinsk: South Ural State University, 71–75 (in Russian).
- 40 Suvorova, N. A. 2008. In: Malashev, V. Y., Yablonsky, L. T. (ed.). *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10* (Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground). Moscow: "Vostochnaya literature", 87–94 (in Russian).
- 41 Tairov, A. D. 2007. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n.e.* (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes in the 7th–6th centuries BCE). Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
- 42 Tairov, A. D., Gavriluyuk, A. G. 1988. In: Zdanovich, G. B. (ed.). *Problemy arkheologii uralo-kazakhstanskikh stepey* (Problems of archaeology of the Ural-Kazakhstan steppes). Ufa: Bashkir University, 141–159 (in Russian).
- 43 Khazanov, A. M. 1970. In: *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), 2, 138–148 (in Russian).
- 44 Khokhlov, A. A. 2003. In: *Kraevedcheskie zapiski* (The Local history notes). Vol. XI. Samara: Alabin Samara Museum of Local history, 82–87 (in Russian).
- 45 Khokhlov, A. A., Kitov, E. P., Myshkin, V. N. 2024. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (The Lower Volga archaeological Bulletin), 1 (23), 27–45 (in Russian).
- 46 Chirkova, A. H. 2023. In: Kupriyanova, E. V. (ed.). *Drevnie i traditsionnye kultury vo vzaimodeistvii so sredoy obitaniya: problemy istoricheskoy rekonstruktsii* (Ancient and Traditional Cultures in Interaction with the Environment: Problems of Historical Reconstruction). Chelyabinsk: Chelyabinsk University, 164–173 (in Russian).
- 47 Dashkovsky, P. K. (ed.). *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* (Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia), 37–61. Barnaul: Altay University (in Russian).

- 48 Yusupov, R. M., Nechvaloda, A. I. 2012. In: Pshenichnyuk, A. K. *Filippovka: Nekropol kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BCE in the Southern Urals)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of RAS, 258–270 (in Russian).
- 49 Yablonsky, L. T. 1997. In: *Donskie drevnosti (Don antiquities)*. Vol. 5. Azov, 154–163 (in Russian).
- 50 Yablonsky, L. T. 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdjev. Ehlnitnyi nekropol Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.)*. Katalog kollektsii. Kniga 1 (*Elite Necropolis Filippovka 1 (based on excavations of 2004–2009)*). The catalog of the collection. Book 1). Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 51 Yablonsky, L. T. 2015. In: Dashkovsky, P. K. (ed.). *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii (Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia)*, 37–61. Barnaul: Altay University (in Russian).
- 52 Davis-Kimball, J. 1998. In: *Papers from the EAA Third Annual Meeting at Ravenna 1997*. Vol. 1. Pre- and Protohistory. Oxford: Archaeopress, 142–149 (in English).
- 53 Rau, P. 1927. *Die Hügelgräber romischer Zeit an der Unteren Wolga*. Pokrowsk (in Deutsch).
- 54 Tainter, J. R. 1978. In: *Archaeological Method and Theory*, 1, 105–141 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.07.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.09.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.09.2024.

